

С тех пор неспешно протекли года...
И, став границей между
рано/поздно,
меж верх и низ и между нет и да,
густеет маска, прирастая к мозгу.

* * *

вот и нет у тебя жены
есть зима и воздух горячий
из решётки резной стоячей
и рисунок кудрей парящий
по-над памятью говорящей
вот и нет у тебя жены

есть свобода от ближних давлений
кубометры пространств
без волнений
мириады других измерений
и фигур для волеизъявлений
только нет у тебя жены

рах vobiscum — яну без ини
то не слёзы, то звёздный иней
серебрящий Господне имя
по-иному для ян — отныне
по-иному для инь — отныне

* * *

вот и вся наша жизнь
непонятно какая
вот и вся наша жизнь
расписная-резная

потеряется взор
от неистойвой пляски
непонятен узор
и меняются краски

то ли рай, то ли хлев
то ли храм, то ли бойня
лишь бы был вкусен хлеб
лишь бы не было больно

ни иметь, ни отнять
ни лететь, ни разбиться
и нельзя разгадать
как нельзя не родиться

тёмный лес, белый снег
серый дождь, сине море
не дожждаться вовек
нам ни счастья, ни горя

* * *

Забывают, что руки — крылья,
открывая глаза, как блюдца.
Наяву полёты забыли,
а во сне о полёты бьются.

Тонкий слой одряхлевшей почвы,
обнимая, питает ноги.
Я летаю и днём, и ночью,
разбиваясь, подобно многим.

Тротуары, шрамы и годы —
всё отчётливей, всё бесстрастней.
Я дышу в любую погоду.
Задыхаюсь только по-разному.

* * *

То дождь,
то снег
в плену у поздней осени
сменяются над пустошью полей,
среди серого дара минуты просини...
Мне всё равно.
Ни легче,
ни больней.
Я — чучело.
Набор тряпья случайный,
развешанный по доскам кое-как.
Безглазым взглядом серый
день встречаю,
вливаясь ночью в общий
влажный мрак.

Любое дуновение дня приемлю.
Теряет смысл понятие «протест»:
я крест свой не несу, он вросший
в землю,
я, в сущности, и есть тот самый крест.
Мир движется

— куда? —
со мною вместе.

Качает ветер рваное тряпье.
На досках рук
— как куры на насесте —
крикливое расселось воронье.

Трудно верится, что не снится.
Из столичной жизни привычной
занесло меня в эту провинцию
иноземную, очень отличную.

Это вам не огонь да польмя,
да по самое в помидорах.
Святый Боже, прости и помилуй мя
на безмерных Твоих просторах.

Святый Крепкий, тебе поклониться
прихожу я на кромку суши,
где солёная плещет водица
не под ноги — в глаза и уши,

письменами — в пене клубится,
в бликах солнечных золотится,
столь отличными — от кириллицы,
столь отличными — от латиницы.

Помяни мя, Святый Бессмертный,
в запредельной Твоей столице,
там, откуда нам солнце светит
в отведённую нам провинцию.

В ней везде мы лишь только около,
хоть везде по-разному больно.
И гудит необъятный колокол
на неведомой колокольне.

Здесь, на кромке, он словно ближе.
Шаг вперёд — вот и всё, что нужно.
Но лишь ветер по бликам движет
аки по сухой тело воздушное.

КОЛОКОЛА в чертогах голубиных,
КОЛОКОЛА в немеряных глубинах,
КОЛОКОЛА — за той чертою глуби
небесною, которую голубим
невидящим, но сторожащим оком.

КОЛОКОЛА — вне близко,
вне далёко,
вне я, вне ты, вне меры окоёма,
вне меры мер и смысла, и объёма
объёмный звук вне логики
событий...

и рвутся нити, нити, нити, нити...
оплётка плеч и панцирь рёбер
косный...

КОЛОКОЛА — вне рано и вне поздно,
вплетаясь в мысль на грани
сна и речи...

ещё не луч
ещё не лет
ещё предтеча

Чашечку чая?
Улыбнитесь...
Нет, это не борода Бога,
это дым из трубы
промышленного предприятия.

Плывёт аромат чая.
Стучит сердце.
Стучит компрессор за стеной
соседнего здания.

Улыбнитесь...

* * *

Разве что-нибудь было иначе
в наслоненных эпох и событий?
Будто кто-то невидимый плачет,
глядя времени долгие нити...
Разве что-нибудь было иное
зашифровано в солнечном свете,
в сфере сплюснутой шара земного,
в жажде жизни на этой планете?
Разве небо, вращаясь по кругу,
не едино в едином движении?

И тяну пятипалую руку
вверх,
в извечной тоске постиженья.

* * *

Я люблю тебя через тлен и прах,
я люблю тебя на семи холмах,
я люблю тебя через боль и страх,
через слово «друг»,
через слово «враг»,
через слово «жизнь»,
через слово «смерть»,
через лай и визг и глагол «не смей»,
пусть закон для всех, и диктует плеть,
и в зенит вдвоём не дано лететь.

Через тлен и прах, через
боль и страх
я люблю тебя на семи ветрах,
и не видно слёз на моих глазах,
лишь огнём горит солнце в небесах.

Небо синее-синее выжжет тебе глаза,
чтоб в глазницах могли
прорасти оконца.
И тогда ты увидишь —
если поедешь назад,
что ты сделал чёрным
моё золотое солнце.

Сколько колосьев невызревших
там и тогда,
в поле, распаханном — не тобою.
А над ними — года, нет,
над ними — вода,
тяжёлая, заражённая болью вода,
чёрный штрих-код, несомый
тяжёлой волною.

Поднимаю руки. Я делаю это
с трудом.
Но я делаю: я крушу и бушую.
Под ногами осколки —
мой бывший дом.
Но живу я. С трудом, но живу я,
дышу я.

Кто поднимет мне веки?
Кто скажет мне «имярек»?
В жёлтых водах каких древних рек
растворится мой мозг,
в билионы солнц облакаясь?
Человек уходит. Or not to be тебе,
человек?
Я иду — в глазах твоих более
не отражаясь.

БЕЗ-ZOOM-СТВО

выхожу один я
ты выходишь один
он выходит один
он выходит один
он выходит один...
он выходит один...

выходим по одному
и входим по одному
такое вот броуновское движение
эпохи самоизоляции

в этом мире мы нереальны
друг для друга

в этом мире мы нереальны
этот мир нереален
он — без-zoom-ен

выхожу один я
из нереального без-zoom-ного мира
я вхожу в мир zoom-а
тыходишь в мир zoom-а
он входит в мир zoom-а
он входит в мир zoom-а
он входит в мир zoom-а...
в том мире — мире zoom-а
мы реальны друг для друга
проявляясь в рамке окна в тот мир
кто — по пояс
кто — в портретном варианте
кто — рисунком аватара

кто — лицом в анфас во всё окно
в тот мир

выхожу одна я на дорогу
входа в тот мир — мир zoom-а
единственный ныне реальный
для мы

тот мир
мир поэзии
мир дружбы

не хочу выходить
в этот мир
без-zoom-ного одиночества
без-zoom-ной пустоты

без-zoom-ству храбрых поём
мы песню!